

Илья Бестужев

---

*Жизнь и душа
художника*

Илья Юрьевич Бестужев

Жизнь и душа художника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051097

ISBN 9785448516504

Аннотация

Книга рассказывает о знаменитом московском парикмахере Валентине Федоровиче Савельеве, его жизни, увлечениях, достижениях, знакомствах с интересными людьми. Помимо рассказов героя о парикмахерском искусстве в нее включены репродукции картин его кисти и написанные им стихи. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Предисловие	5
История жизни и творчества	9
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Жизнь и душа художника

Илья Юрьевич Бестужев

© Илья Юрьевич Бестужев, 2017

ISBN 978-5-4485-1650-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я очень долго ждал, пока герой этой книги сам ее напишет. Тем более, что жизнь у него – интереснейшая, полная работой, увлечениями, встречами с разными знаменитыми людьми.

Но дождался только того, что меня попросили написать предисловие к книге о нем.

Валентин Федорович Савельев – один из наиболее приметных московских парикмахеров, лауреат различных премий, смотров, выставок, конкурсов, профессиональных состязаний, семинаров, соц и капсоревнований на звание лучшего мастера и так далее.

Имя его известно многим, и многие именитые люди считали за честь усесться к нему в кресло. Или даже пригласить к себе в гости.

Человек он нецгомонный, подвижный, заядлый рыбак, а раньше был и заядлым охотником. Но сейчас перестал увлекаться стрельбой по живым мишеням – жалко птиц и зверей. Понимание этого приходит с возрастом (мудрость вообще приходит с возрастом), да и, собственно, Савельев об этом не жалеет.

Мне доводилось бывать с ним на рыбалке – никто, например, не мог забросить блесну на середину Волги, а он это делал запросто. По части добыть рыбу он вообще считает-

ся мастаком – случилось, что никто из воды даже малого перышка-прыщика не мог вытащить, а у него – полный улов на всю компанию.

Выдающийся человек! В бильярд играет так, что костью шар, пущенный ловким ударом кия, проходит через все игровое поле стола, обтянутого зеленым сукном, возвращается обратно и покорно ныряет в лузу под локтем Савельева.

Знающий люд только глаза таращит от удивления – такую игру можно видеть редко.

Разных веселых историй, анекдотов, былей и небылиц, присказок и прибауток знает столько, что, наверное, понадобится несколько суток, чтобы рассказать их все. Причем Савельев ни разу не повторится.

Парикмахером, тем более модным, востребованным разными примечательными личностями, Савельев, честно говоря, становиться не собирался. У него были другие планы – выучиться, например, на капитана дальнего плавания. Он вообще мечтал о море, поэтому после окончания ремесленного училища охотно завербовался на Дальний Восток.

Профессия у него была нужная во всех морях и океанах. Повар. А всем известно, что кок – второй после капитана человек на корабле.

Плавали тогда много – Савельев обошел на корабле «Витебск» весь север, был на Чукотке, Камчатке, Курилах – в общем, романтики хватило под самую завязку.

А потом началась совсем другая жизнь. Жизнь парикмахера, неожиданно влюбившегося в эту профессию. Хотя ничего странного в этом нет: Савельев – из семьи потомственных парикмахеров. Гены – они никуда не деваются.

Генам же Савельев обязан и тем, что прекрасно рисует. Его пейзажи, натюрморты и портреты смело можно показывать на любой выставке.

Но обо всем этом вы можете прочесть в книге, которая перед вами. Пусть ее написал не сам Валентин Федорович, но написана она с его слов, а кое-что – под его диктовку.

Приятного прочтения.

Валерий Поваляев,

Писатель, член Союза Писателей России.

Люди! Будьте добрыми, цените добро, отвечайте на добро – добром. Не забывайте, что через добро не должно родиться зло. Все зло появляется от непонимания друг друга, а чтобы понимать друг друга, надо искренне и самозабвенно любить. Прожив жизнь и оглянувшись на совместно пройденное, ты, человек, должен сказать себе: я жил, работал, приносил людям пользу, я ценил в людях добро и отвечал тем же, я сталкивался с трудностями и перешагивал через них, я анализировал хорошее и плохое, и хорошее всегда брало верх.

Люди, будьте добрыми, воспитывайте в себе доброту,

не уходите в сторону от цели жизни, согласовывайте свои добрые поступки и вы поймете всю красоту жизни.

Валентин Савельев

Заставка из Интернета

История жизни и творчества

Профессия нашла его сама, когда он уже вдоволь нахлебался и морской романтики, и кулинарных изысков. В детстве ему и в голову не приходило стать парикмахером, а сейчас, в свои 80 с небольшим он по-прежнему практикует, рука не потеряла ни силы, ни четкости, а глаза по-прежнему зоркие. Глаза художника, охотника и... куафера в забытом ныне смысле этого слова.

«Человек по натуре своей художник», – это еще кто-то из классиков заметил. Только эти способности надо в себе, во-первых, обнаружить, а, во-вторых, развивать. И не надо думать, что если художник, то обязательно – живописец. Им можно быть в любой профессии при одном условии: творческому подходу к делу и любви к нему.

Но и это еще не все. Нужно любить не только дело, которым занимаешься, но и тех, для кого им занимаешься. Это, пожалуй, самое трудное. Но, как показывает жизнь, вполне возможно. Если очень захотеть, конечно.

Валентин родился в Москве, в семье потомственных парикмахеров за несколько лет до войны. Точнее, это сейчас Москва и престижный район Мосфильма. А тогда был просто один из подмосковных поселков – Троицкое-Голенищево.

Село Троицкое-Голенищево известно тем, что там жил

митрополит Московский и Киевский Киприан. Территория деревни Голенищево была в оврагах и лесах. Резиденция располагалась в месте, где река Раменка впадала в Сетунь.

Бывшее село превратилось в современный район с высокими домами и жилыми комплексами на западе Москвы. Неизменным остался овраг и церковь Троицы Живоначальной.

Родители жили дружно, радовались рождению первенца-сына, которого, кстати, окрестили в местной церкви, которая и по сей день стоит на прежнем месте.

Церковь Троицы Живоначальной. Фотография из архива Савельева.

Но началась война и Федора Алексеевича Савельева призывали на фронт.

А маленького Валентина мать отправила к бабушке в деревню под Углич – подальше от бомбежек и полуголодной

жизни, поближе к многочисленной родне. Бомбежек, действительно, не было. Но хлеб тоже выдавали по карточкам – по 150 грамм на человека в день...

– Я тогда мечтал: вот вырасту и стану булочником. Буду печь столько хлеба, сколько смогу. И всем раздавать, чтобы радовались.

Заметьте, не летчиком, не полярником, не непобедимым командиром... ну, кем тогда мечтало стать большинство мальчишек. Пекарем. И уже тогда – приносить радость людям.

Первый класс Валентин отучился в школе соседней деревни. Ко второму классу уже вернулся в Москву. Война неуклонно приближалась к Победе и уже можно было ждать скорого возвращения отца. Особенно после того, как над Москвой взметнулись праздничные фейерверки.

Но вместо отца дождались «похоронки». Федор Савельев геройски погиб 29 апреля 1945 года во время боев за Берлин и захоронен с подобающими почестями. Где именно захоронен, не уточнялось.

– Шестьдесят лет я искал могилу отца. Сколько запросов отправил, сколько отписок получил, сколько кабинетов обошел. И все-таки нашел захоронение, там даже памятник с именами стоит, все честь по чести. Но, считай, всю жизнь мне это покоя не давало. И еще то, что всего-то десяти дней отцу не хватило, чтобы живым домой вернуться. Всего десяти дней...

Детская мечта сбылась частично: пекарем Валентин не стал, потому что ко времени выбора профессии хлеб можно было купить в любом магазине в любом количестве. Но совсем отказаться от желания радовать своей работой людей отказаться не мог. И поступил... в кулинарный техникум.

– С нележкой руки Геннадия Хазанова «учащийся кулинарного техникума» стал практически синонимом идиота. А нас учили профессионалы с дореволюционным стажем и учили очень серьезно. Причем узкой специализации не было, каждый умел готовить все – от борща до мороженого. И готовить хорошо, халтуры наши преподаватели не потерпели бы.

Но романтики хотелось отчаянно – молодость есть молодость. Да и мечты у него были связаны с морем: выучиться, например, на капитана дальнего плавания или даже на директора крупного пароходства.

Поэтому после окончания ПТУ Валентин завербовался на грузовое судно во Владивостоке и отправился бороздить тихоокеанские просторы. Попал на грузовой пароход «Витебск» с командой в тридцать шесть человек. И все, как на подбор, большие любители поесть. Причем вкусно, а не абы как.

На чудом сохранившейся фотографии того времени можно увидеть «Витебск» на стоянке в одном из портов Дальнего Востока. Конечно, это не воспетый всеми писателями

и поэтами парусный фрегат, не могучий лайнер, бороздящий океанские просторы и уж, конечно, не грозное военное судно. Но все равно – впечатляет.

Пароход даже по современным меркам не маленький, но провести на нем несколько лет с редкими заходами в порты и выходом на берег... Не знаю, насколько это романтично, но нужно очень любить море и свою профессию, чтобы обречь себя на такое добровольное полузаключение. А если еще и шторм – явление довольно частое в тамошней акватории – то плаванье превращается в экстремальное путешествие, которые сейчас так любят искусственно создавать для любителей острых ощущений.

Два года, в любую погоду, в штиль и в шторм Валентин кормил экипаж. Вставал в пять утра, замешивал тесто, чтобы испечь свежий, напоминающий морякам о доме, хлеб, готовил завтрак, а заодно закладывал и обед и прицеливался к ужину: думал, чем кормить команду вечером. А кроме ужина был еще и вечерний чай, значит, выпечка.

Кормил кок команду вкусно, даже пироги ко дням рождения умудрялся печь. То есть опять же старался приносить людям радость, а не просто налить тарелку супа, или наложить тарелку гуляша.

Там же, на корабле, начал рисовать, точнее, не начал, а продолжил еще школьное увлечение. Морские пейзажи, портреты друзей-рыбаков, просто натюрморты «из подручных средств». И в мыслях не было сделать это своей профес-

сией, но душе хотелось не только романтики, но и красоты. Опять же людям радость: где еще в море можно на настоящие картины полюбоваться или собственный портрет в подарок получить?

Для справки: Год постройки: 1943 г. Место постройки: США Судно получено по ленд-лизу. Фотография из архива Савельева.

Плавал бы коком и дальше, тем более, что мимоходом освоил все рыбацкие навыки и мог в случае необходимости подменить любого члена экипажа.

– *Кроме капитана,* – хохочет теперь Валентин Федорович. – *Командовать не люблю.*

– А подчиняться?

– Еще меньше.

Это уже без улыбки.

Молодой моряк Валентин Савельев. Фотография из лич-

ного архива.

Плавали тогда много. Савельев обошел на «Витебске» весь север, был на Чукотке, Камчатке, Курилах. В общем, романтики хватило выше головы, зато мечты о мореходном училище и о профессии капитана дальнего плавания почему-то сильно поблекли.

Тогда же Валентин пристрастился к рыбалке. Это стало увлечением на всю жизнь. С тех пор почти каждый год ездит на Волгу или в другие места – куда зовут многочисленные друзья-приятели. И всегда оказывается душой компании, да еще и рыбу ловит лучше всех.

Неизвестно, сколько времени пробыл бы Валентин «морским волком», но родная Москва вспоминалась все чаще и чаще. Да и мама в каждом письме намекала, что пора бы и остепениться. В смысле, перестать бороздить морские просторы, а вернуться домой и зажечь нормальной жизнью. Желательно, семейной, но это еще успеется.

Что ж, мама могла быть довольна. Сын вернулся из Владивостока и устроился поваром... в Генштаб.

– Что за странный выбор? Вы могли бы стать шеф-поваром в любом ресторане.

– Ага, прямо разбежались меня шеф-поваром брать. Там нужно было проходить всю служебную лестницу с самого начала, от поваренка. Год салаты строгать, еще пару лет – гарниры готовить, и все тобой командуют. Нет, та-

кая перспектива меня ни капли не манила.

– Романтики мало?

– Романтики мне тогда уже хватило...

На какое-то время столовая в Генеральном штабе стала самым популярным местом для сотрудников. Не потому, что там вкусно кормили – это само собой. А потому, что Валентин любил выйти в зал к посетителям, спросить, как им то или иное блюдо, рассказать парочку анекдотов, которых у него в запасе было великое множество.

А в свободное время и выходные – писал картины. Не для выставок – для себя, друзей и родных. Казалось, жизнь наладилась и теперь покатится по гладкой дорожке. А пока она катилась, в стране начались перемены. В том числе, и во внешнем облике граждан.

...В начале 1950-х в СССР появилось новое и невиданное доселе явление – молодежная мода... Стиляги тут же были названы жертвами тлетворного влияния запада и социально опасными людьми. Но чего вы хотите: эпоха послевоенной разрухи и нищеты, потом уравниловка и тотальная серость, когда стандартами ЦК регулировалась даже ширина штанин (!). Ну не в таком мире должна проходить юность! И как удивительно смотрелись на фоне армейских стрижек взбитые коки и тонкие усики стиляг! А их длинные, зачесанные назад волосы...

Стиляги в районном ДК. Рисунок Валерия Барыкина.

По всем улицам городов проводились облавы и обладателя неправильной прически могли забрать в милицию и состричь идеологически ненавистный кок насильно (хотя официального приказа нигде не было).

Девушки-стиляги носили невероятные начесы, либо короткие стрижки, уложенные в невероятный «шухер», которые советские сатирические журналы обозвали «я у мамы дурочка». Однако вызов общественной укладке был сделан. И как ни гонялась советская система за обладателями стрижки «как у битлов» и за парнями с длинными волосами, процесс пошел...

Прически стиляг отличались экстраординарностью, неприемлемой в тогдашнее время в СССР. Тем не менее, они все равно вошли в историю как классика парикмахерского искусства. Годы «железного занавеса» в СССР категорически отрицали яркие костюмы, макияжи, необычные прически. Запрещалось всякое подражание Западу, за прослуши-

вание зарубежных хитов жестоко наказывали.

Но образовавшееся в то время молодежное течение стилиг плевало на эти законы, одеваясь в красивые пестрые платья, эксцентричные костюмы, надевая высокие каблуки и, конечно же, делая оригинальные прически в стиле стилиг! Их имидж потрясал и возмущал! Но они, казалось, вовсе этого не замечали, создавая свой неповторимый образ, вошедший в историю.

Неизвестно в каких парикмахерских и у каких мастеров обслуживалась «продвинутая молодежь». Валентину Федоровичу об этом тоже сказать нечего: в те годы носил белый поварской колпак и манипулировал не ножницами, а поварешкой и ножами. И не собирался останавливаться на достигнутом. Но...

Но в стране происходили события, не учитывающие личную жизнь отдельных граждан. Еще в середине 50-х стало очевидно, что советская экономика не справляется с бременем военных затрат. Содержать классическую армию численностью в пять с половиной миллионов человек, то есть такую, какой она была в победном 45-м – не просто непозволительная роскошь, это безумие.

Трудно объяснить, почему под очередную волну сокращений попали работники столовой Генштаба. Но – попали. Как известно лес рубят – щепки летят. Вот и тут щепка полетела. Правда, к счастью для сотен людей, как показало будущее.

Валентин, попав под сокращение, обнаружил, что впере-

ди – полная неопределенность. И тут в калейдоскоп судьбы опять вмешалась мама, мнение которой для сына всегда значило очень много:

– *Давай-ка осваивай семейную профессию.*

– *Да не хочу я бабам головы мыть!*

– *Овощи тоже чистить нужно, прежде чем в борщ класть.*

– *Ну, сравнила...*

– *Сравнила. Ты же любишь творчество. Картины пишешь. Сделать прическу – это тоже искусство. А красивую прическу, чтобы человека украсила – еще и радость ему подарить.*

Спорить с Августой Егоровной было сложно: она работала парикмахером еще в дореволюционной Москве, училась у настоящих цирюльников, имела заслуженную репутацию отличного мастера.

Как в любой профессии, у них были свои «штучки» и особый жаргон. Фраза «товар в расход пустить» означала причесать невесту к свадьбе, а «на ветряное гумно заплатку положить» – наклеить на лысину волосяную заплатку.

Когда причесывали клиента с редкими волосами, между собой говорили о «прогулке по городскому бульвару». Высшей похвалой коллеге было выражение: «Невероятие в обороте, а не мастер!»

Таким считался, например, цирюльник Морозов. На международном конкурсе во Франции перед участниками поста-

вили задачу: придумать моделям с жидкими волосами подходящую прическу. Соперники изощрялись как могли – начесывали, завивали, для объема сооружали стальные каркасы. А наш Морозов своей модели гладко зачесал волосы, прикрепил к ним заранее сделанную косичку, заплел ее «коронкой» и – занял первое место!

Убедила. Валентин записался на курс Григория Алексеевича Зуева, который слыл в Москве большим мастером.

– Это сейчас в профессии в основном женщины. А в мою бытность работало много мужчин, – говорит Валентин Федорович. – И мастер-классы, заметьте, давались бесплатно.

Жизнь завертелась: учеба, новая работа, потом опять учеба – курсы художественной стрижки, модельной, химической завивки, санитарии и гигиены, Высшая школа парикмахеров. В 60-е он вошел в десятку лучших парикмахеров Москвы, да так из нее неофициально по сей день и не вышел.

– Сегодня большинство парикмахеров оканчивают трехмесячные курсы, получают так называемый международный сертификат и считают себя мастерами, – говорит мэтр. – А тогда на овладение мастерством уходили годы учебы и практики. Я, например, почти год проходил в учениках: стоял возле кресла мастера, подавал инструменты, запоминал приемы работы. Дома упражнялся на специальных шиньончиках. И только потом попал на курсы художественной стрижки. Полугодовые курсы – специальные! – са-

нитарии и гигиены. Это было обязательно для всех парикмахеров. Так что учился я долго...

Мама оказалась права: и к новой для себя профессии Валентин подошел творчески.

– В прическе важны мотив и время суток – вечер, утро, день. Обязательно нужно чувствовать норму. Чересчур быть не должно. У некоторых современных дизайнеров все мешается в одно. Получается однобоко и примитивно, как в кино, – «я у мамы дурочка».

Творить, правда, приходилось в своеобразной атмосфере. Начнем с того, что салонов красоты в современном понимании в СССР не было. Были просто парикмахерские, но не каждая из них могла похвастаться даже обычной вывеской с названием. Так что советские люди просто находили своего мастера в парикмахерской за углом и ходили к нему регулярно, семьями и даже поколениями.

За редчайшим исключением парикмахерские тогда представляли собой не слишком чистое помещение с двумя залами – женским и мужским и залом ожидания, по размеру не уступавшим двум другим вместе взятым: очереди в парикмахерскую были всегда, и прождать всего лишь час считалось большой удачей. Мастера работали в халатах, которые стирались раз в месяц, а руки мыли только перед едой.

И особым разнообразием услуг похвастать не могли: бритье, стрижка и маникюр (последний, естественно, только в дамском зале и далеко не в каждой парикмахерской). На-

звать заведение «салон» никому не приходило в голову, а профессия парикмахера вовсе не считалась престижной, скорее, была уделом неудачников. Опять же за редчайшим исключением.

Сейчас трудно поверить в то, что раньше многие мужчины брились исключительно в парикмахерских. Мастера работали опасными бритвами, обязательно делали горячий компресс, а после «освежали» клиента одеколоном, вне зависимости от его желания.

Появление безопасных бритв заметно уменьшило число клиентов мужских парикмахерских. А уж электробритвы, как казалось тогда, и вовсе ликвидировали необходимость в брадобрях. Порезаться электробритвой еще, кажется, никому не удавалось.

Но в последние годы вернулась мода на бритье в парикмахерских опасными лезвиями. Конечно, не за десять копеек и не в «парикмахерской за углом», а в специальных салонах с применением последних достижений парикмахерского дела.

Правильно говорят: все новое – это хорошо забытое старое. Бриться в парикмахерской, конечно же, у «своего мастера», стало очень престижным.

И все-таки было в Москве одно парикмахерское заведение, попасть в которое было непросто и считалось очень престижным. Это – парикмахерская номер один на улице Горького (теперь Тверской). Двухэтажная, с матовыми окнами

и мастерами в белых халатах. Первый этаж предназначался для мужчин, второй – для женщин, а третий – секретный – для спецклиентуры, попасть в число которой было не проще, чем в престижный ВУЗ. Только критерии отбора были другими.

Кроме того, короткие женские стрижки еще не вошли в моду. Несколько лет после войны носили косы: девушки – две косы по плечам, женщины – одну косу, чаще всего, уложенную пучком на затылке или так называемую «корзиночку»: две переплетенные между собой на затылке косички, подколотые по бокам. Сейчас уже очень немногие помнят эту сверхпопулярную в то время прическу.

Но все-таки в женских парикмахерских (не во всех) производили процедуру, называвшуюся «перманент», в просторечье – «шестимесячная завивка». Громоздкая и сложная в исполнении, она давала удивительный эффект – волосы оставались кудрявыми полгода, а иногда и дольше. Даже после мытья головы. Промучившись полдня в парикмахерской с риском повредить волосы (процедура была небезопасной), модницы потом гордо встряхивали кудряшками.

Не поверите, до сих пор сохранились такие парикмахерские – пережитое советское прошлое. И тетушки советской закалки ходят туда на эту самую «химию» и сидят под такими же еще работающими (!) колпаками, которые выпускались в нашей стране энное количество лет назад!

На привычные уже тогда бигуди все-таки закручивали во-

лосы те, кто способны были вынести пытку спанья на железной или резиновой арматуре, покрывавшей голову. К утру волосы высохали и терпеливые дамы становились обладательницами «естественно» вьющихся волос, что ценилось гораздо выше, чем перманент.

– Желание клиента, конечно, закон, но лично я перманент не любил. Возни много, а индивидуальности, стиля практически никакого. Кудрявый барашек. На мое счастье, довольно скоро после того, как я стал парикмахером, появилась химическая завивка. Довольно дорогая – препараты для нее привозили из ГДР – но сразу ставшая безумно популярной. И прически на ее основе можно было делать самые разнообразные.

Примерно в то же время было принято решение создать, наконец, парикмахерскую высшего класса не для избранных, а для всех. Собрать в ней лучших мастеров, сшить для них красивую форму, снабдить лучшими средствами и аппаратурой. И – главное – ввести демократическую запись к мастеру по телефону, чтобы каждая женщина, вне зависимости от своего социального положения, могла быть красивой.

Такую парикмахерскую создали. На Кузнецком мосту, рядом с Выставочным залом Союза художников появился «Салон» с матовыми стеклами, на которых были изображены изящные женские головки. Мастера там действительно собрались прекрасные: в считанные недели «Салон» стал невероятно популярным в Москве и дозвониться туда «на за-

пись» стало, мягко говоря, проблематично.

– Нет, в модных салонах я не работал. Предпочитал тишину и отсутствие показухи. Красота – дело тонкое, интимное, из этого нельзя делать представление. Как говорили старые московские цирюльники, когда речь заходила о никуда негодном парикмахере, таких нужно гнать в три места: в харю, в спину и в двери!

– Так ведь трудно, наверное, сделать хорошую прическу из неважных волос?

– Было бы желание – будет и хорошая прическа. Это я к тому, что из любого положения можно выйти победителем. И пользоваться можно любыми средствами, если они украшают клиента. Достаточно уловить направление моды, а дальше плясать от конкретного лица и того, куда это «лицо» с такой прической пойдет. То, что годится для ночного клуба, вряд ли будет уместно на работе. И наоборот, конечно.

При нынешнем разнообразии красок, оттеночных шампуней, всевозможных средств для укладки, закрепления, блеска, ну и так далее, трудно себе представить те ухищрения, на которые приходилось идти парикмахерам. Оттенок седым волосам, например, придавали либо марганцовкой, либо... обыкновенными лиловыми чернилами. А вместо лака для волос использовали смесь канифоли со спиртом. Какой «аромат» источала после этого прическа, можно себе вообразить.

Доходило до курьезов. В рыжий цвет волосы обычно красили хной, но некоторые мастера использовали краску для меха – фуксин. Оттенок получался более живым и насыщенным, но нужно было скрупулезно соблюдать дозировку, иначе волосы можно было сжечь. Кстати, так однажды и произошло с другой краской для меха – урзолом. Вместо того, чтобы превратиться в жгучую брюнетку, клиентка... облысела. После этого рискованные эксперименты с краской прекратили.

Были и другие анекдотические случаи. Я вот, например, помню, что когда наступала весна, в магазинах нельзя было достать гипосульфит – этим препаратом закрепляли фотографии, а мы использовали его для электрического перманента. А укладку на пиво – не угодно? Между прочим, локоны неплохо держались, даже лаком фиксировать было не нужно. Начесать слегка – и на маневры. Это у меня такая присказка, так я своих клиенток всегда напутствую. Они же у меня все – красавицы, и были, и есть, хоть чернилами крась, хоть «Л'Ореалем».

Все красавцы и красавицы рано или поздно становились добрыми знакомыми Валентина Федоровича. Дома у него хранится толстый альбом с автографами тех, кто в этом доме бывал, начиная с 1972 года. Каждый вышел отсюда помолодевшим, повеселевшим, похорошевшим. Жанна Болотова и Николай Губенко, Мария Миронова и Ирина Меньшикова, Михаил Шатров и Александр Арбузов, Юрий Никулин,

Ирина Мирошниченко.

Список постоянных клиентов Валентина Савельева (многие из них стали уже его добрыми друзьями) может занять не одну страницу. А книги, подаренные писателями-друзьями, занимают целый книжный шкаф.

Сам Валентин Федорович на вопрос о причине такой популярности отвечает кратко:

– Это просто у меня так жизнь сложилась, много со знаменитостями работал.

Только жизнь, как известно, сама не складывается, ее люди выстраивают. Можно прожить ее возле известных людей – и даже взгляда их не удостоиться. А можно встретиться один раз – и эта встреча станет основой прочных и очень долгих отношений. Все ведь от самого человека зависит. Ну, почти все. Если оказаться в нужном месте в нужное время...

Таким местом для Валентина Федоровича оказалась гостиница «Юность», а временем – 1961 год. Снимался фильм «Москва музыкальная» с Нани Брегвадзе, Ириной Родниной, Екатериной Шавриной, Эдитой Пьехой... Потом и его на киноприще пробовали – в роли парикмахера сняли в картине «Взрослые дети».

Потом было много других картин. Например, «Гиперболоид инженера Гарина» (в одном эпизоде дублировал Евгения Евстигнеева).

– Подумаешь, дублировал! Спустился на пляж с вертолета по веревочной лестнице и лег загорать на песочек ря-

дом с красивой женщиной. Вот когда я Ролан Быков дублировал – это было, как нынешняя молодежь выражается, прикольно. Бегал по болоту в качестве Бармалея, размахивал мечом и орал страшным голосом. Снимали все это в холодном бассейне, куда простуженный Ролан Быков наотрез отказался залезать. У меня-то закалка была еще флотская...

А ведь многие наверняка помнят этот эпизод из фильма «Айболит-66», но никто не заподозрил подмены главного героя дублером, настолько органично вписался Савельев в роль Быкова. Жаль, что не сохранилось фотографий с тех съемок. А сам пробег по болоту снимался преимущественно издалека, так что разглядеть лица Бармалея и его подручных – проблематично. А снимались, помимо Быкова, Фрунзик Мкртчян и Алексей Смирнов. Им дублеры не потребовались.

Актёрская игра выдержала испытание сложного жанра эксцентрической комедии. В частности, использование необычные приёмы: например, разбойники, «идя в обход», пели даже под водой.

А попал Савельев в «Айболит» чисто случайно, когда делал «исторические прически» персонажам киноэпопеи «Война и Мир». Пришел получить очередной гонорар – и попался на глаза поиощнику Бондарчука по костюмам.

Исторические! Это не перманент накручивать или начесывать, тут еще массу художественного материала просмотр-

реть нужно. Благо, что сам художник. Вначале было страшновато, потом – привык.

Человек ведь ко всему привыкает.

Гостиница «Юность». Время не пощадило дарственной

надписи одного из космонавтов, сделанной обычными чернилами поверх фотографии из архива Савельева.

Одной из любимых причесок Валентина Федоровича в самом начале его работы был так называемый «венгерский венчик».

Алина Покровская с «венчиком» работы Савельева. Фотография из личного архива.

Эту же прическу он делал Галине Улановой, Вере Орловой, Зое Федоровой. Но у каждой был свой неповторимый элемент.

– *Какой?*

– Профессиональная тайна, – смеется мастер. – Да и не носят уже такие, хлопотно, наверное. Проще волосы по плечам распустить – и вперед.

А ведь силуэт действительно узнаваемый. Нежный, женственный, красивый.

Кстати, с самой великой балериной парикмахер был знаком лично, и с самой первой встречи причесывал Уланову только он. А встретились они... на Гоголевском бульваре в парикмахерской.

– Однажды моя клиентка Нина Тимофеева, балерина, солистка Большого театра сказала:

– К тебе хочет прийти Галина Сергеевна. Найдется у тебя для нее время поближе к обеду?

Я, конечно, сразу понял о ком идет речь. Нина была ученицей Улановой и часто мы говорили о ней.

Галина Уланова, звезда первой величины русского балета, и вдруг придет ко мне, в парикмахерскую на Гоголевском бульваре! Я сам был готов подъехать к ней куда угодно и в любое удобное для нее время! Но сам предлагать не стал, побоялся, как бы не посчитали, что напрашиваюсь. Самой Улановой тоже, видимо, было неудобно вызывать к себе парикмахера на дом.

Только во время своего второго визита на Гоголевский бульвар она мне стала рассказывать, как она сильно загружена, что ей хотелось бы чаще подправлять прическу, но никак не удается по времени... И тогда я сам решил ей

сказать:

– Ну что же вы, Галина Сергеевна, будете сюда ко мне приезжать, время свое драгоценное тратить. Если вам будет удобно, давайте я сам к вам подъеду.

В следующий раз приезжаю к ней на Котельническую набережную.

– Ты с работы, милый? – не подумайте что, это у нее просто манера такая была награждать эпитетом «милый» тех, кто был ей приятен. – Иди, я тебя чаем угощу.

Много раз делал я Галине Сергеевне прическу. Она предпочитала обычный перманент. Прическу выбирала самую простую, нетребовательную, легкую в уходе, неизменно одну и ту же. И сама была простая, ласковая, милая – никакой звездности. А ведь уже была мировой знаменитостью!

Рабочий час парикмахера у балерины обязательно начинался с чая и бутербродов – с сыром и колбаской. Каждый раз она спрашивала: «Ой, милый, ты, наверное, с работы?» А он действительно приходил с работы. Трудились в две смены. Первая начиналась в 8 утра, заканчивалась в 3 часа дня. Вторая длилась до 10 вечера.

Попробуйте представить себе даже не мировую знаменитость, а хотя бы «звезду» российского масштаба, которая скромно посетила бы районную парикмахерскую. И которая общалась бы с мастером на равных, а не с высоты своего звездного величия.

Представили? Вот и у меня не получилось.

– Как-то раз я делал прическу Галине Сергеевне и в это время раздался телефонный звонок. Голос в трубке был такой громкий, что я поневоле все слышал. Звонил тогдашний министр культуры СССР, объявил, что принято решение о награждении Галины Улановой Орденом Ленина. Меня поразило, что лицо Галины Сергеевны при этом известии практически не изменилось – ни удивления, ни радости. «Да, спасибо, благодарю вас», – вот и весь ее разговор с министром.

А повесила трубку – я ее конечно принял поздравлять – подписала мне книжку на память и перевела разговор на другую тему. Стала опять расспрашивать меня о моих детях: кто куда залез и что натворил. Конечно, у нее своих детей не было, но мне показалось, что она просто не хочет говорить об этой своей награде.

На мой взгляд, эта награда заслужена была много раньше, да и эта женщина стоила куда большего внимания, чем просто звонок министра культуры.

Зато у меня остался автограф Галины Улановой: «16/V-74 г. Валентину Федоровичу с благодарностью. Г. Уланова». Она всегда была очень закрытая и неразговорчивая, автографы раздавать не любила. И уж таким пространным, как у меня, мало кто может похвастаться.

В другой раз поклонники при мне принесли ей... банку домашнего варенья. Она с ними разговаривала так, как если бы это были самые дорогие для нее люди, которые только что

сделали ей роскошный подарок.

– Действительно, уникальная женщина.

– Это на сцене она была – звезда. А в обычной жизни ее чаще всего не узнавали. Да и не любительница она была всяких помпезных мероприятий, предпочитала отдыхать дома с книгой. Редчайший, повторюсь, случай в мире искусства.

Галина Уланова. Фотография их архива Савельева.

Но были и другие проявления «уникальности». Актеру Олегу Видову Савельев ежемесячно помогал оставаться блондином. Работал у него на дому – артист скрывал, что его «скандинавская внешность» не вполне естественного происхождения. Жил он в том же доме, что и Галина Уланова, жена его, Наталья Федотова, никакого отношения к искусству не имела, да и вообще не работала – была подругой Галины Брежневой и считалась одной из первых красавиц московского бомонда того времени. Так эта красавица с порога бра-

ла парикмахера за руку и вела в ванную и выпускала оттуда только на выход. Ни поговорить, ни чаем угостить. После общения с Галиной Сергеевной это выглядело особенно дико.

– К счастью, таких клиентов у меня практически больше не было. Да и самому Видову было явно неловко за жену. Но, наверное, она в доме была главной: он при ней рта не смел раскрыть.

– Может быть, от нее и сбежал в Америку?

– Все может быть, дело темное. Только в СССР он был кумиром, а в Америке ему, в основном, давали роли «плохих русских милиционеров», как в фильме «Красная жара», где он играл с Арнольдом Шварцнегером.

– Что ж, каждый сам выбирает свою судьбу.

– И женищину, кстати, тоже, если продолжить цитирование. Со второй женой, журналисткой Джоан Борстен, они мирно живут и по сей день. Именно жена помогла Видову обустроиться в США. Вскоре у них родился сын, которого они называли Сергеем.

Георгий Юматов и Алина Покровская перед съемками фильма «Офицеры». Фотография из архива Савельева.

Валентин Савельев – настоящий кладезь традиций старой московской цирюльни, профессиональных шуток и прибауток, которых теперь, пожалуй, кроме него-то никто и не знает. В каждой цирюльне Москвы были собственные зазывалы со своими фирменными фразочками.

В районе Зарядья, например, можно было услышать такое приглашение «холодных цирюльников»: «С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!» Это означало, что за девять грошей брили самым примитивным способом, для оттягивания щек засовывая в рот клиенту палец. А за пятнадцать грошей мастера уже пользовались огурцом, чтобы соблюсти «культур-

ную гигиену»...

Валентин Федорович Савельев, конечно, уже не пользуется профессиональным жаргоном прошлого столетия. Но бережно хранит в памяти каждую яркую фразу-шифр и интонацию ее произношения. Точно так же как рассказы своих знаменитых клиенток, их вздохи и восхищенные взгляды, которые они бросали в зеркало, украдкой от окружающих. Но не от него.

А таких знаменитостей за полвека было – не сосчитать! Правда, Валентин Федорович помнит каждого, только не о каждом рассказывает. Но уж если начинает вспоминать...

– Сегодня, к сожалению, большинство мастеров мало думает об индивидуальности клиента, как и сами клиентки, кстати. Либо сами не знают, чего хотят, либо просят сделать «как у...» Ну, в лучшем случае приносят фотографию из глянцевого журнала. А ведь нужно учитывать тип лица, цвет и структуру волос, даже длину шеи, между прочим. Та модель, которая одну женщину сделает красавицей, другую просто обезобразит.

Богемную клиентуру, как сегодня бы сказали, помог заполучить случай. Валентин Федорович работал парикмахером в гостинице «Юность».

Там состоялось знакомство, о котором Савельев особенно любит вспоминать и по сей день.

А дело было так. Когда Гагарин вернулся из космоса,

в Кремле по этому поводу устроили прием. Естественно, на нем должна была присутствовать и супруга первого космонавта – Валентина Ивановна. А у нее были такие волосы, которых Савельев не видел ни до, ни после – коса в руку толщиной ниже колен. Обычно она скручивала ее большим узлом и закалывала на затылке. Но в этот раз хотелось-то чего-то парадно-необычного: случай-то был уникальный.

Один мастер физически не справлялся: пришлось звать на помощь супруга. С помощью обыкновенного шпагата (и больших физических усилий) стянули все зачесанные наверх волосы на макушке и туго завязали. Потом Гагарин придерживал длинные пряди, а Савельев навивал локоны, буikli, кудри и укладывал их в хорошо продуманном художественном беспорядке. В парикмахерское кресло села миловидная женщина, встала из него – ослепительная красавица.

Юрий Гагарин тогда с улыбкой резюмировал:

– Ну, Валентин, ну, бабий угодник!

Так это прозвище за ним и осталось на всю жизнь.

После всего отправились в гостиничный буфет попить кофе. Валентина поразило, как просто и естественно держался кумир миллионов. Всем желающим раздавал автографы, фотографировался на память – никому не отказал.

– *Как же первый космонавт узнал о гостиничном парикмахере? Ведь мог обратиться в самый шикарный салон к самому знаменитому мастеру...*

– *Я же говорю: совершенно простой человек без претен-*

зий. А меня ему, по всей вероятности, порекомендовал первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов. У меня обслуживалась его супруга Евгения Михайловна. Гостиница ведь находилась в ведомстве ЦК комсомола.

Небольшое отступление: некоторое время назад в обновленной гостинице решили сделать мемориальную комнату – ту, в которой останавливались Гагарин с супругой более полувека назад. И за разрешением обратились почему-то к Валентину Федоровичу.

– Ну, я их послал прямиком к... Валентине Гагариной. Мы ведь до сих пор поддерживаем теплые отношения. Звоните, говорю, вдове героя, вот вам телефончик, если сами найти не можете. Не знаю, до чего они там договорились...

Но к постоянной клиентуре мастера тогда добавились и жены большинства космонавтов. «Космическая популярность» – посмеивался Валентин.

Ездили из Королева, городка, где жили космонавты. И уж, конечно, там была парикмахерская. Но дамы предпочитали потратить два с лишним часа на дорогу в один конец, чтобы щеголять потом прической «от Савельева».

Не то, чтобы в городке космонавтов не было парикмахерской – была и очень даже неплохая. К тому же до знаменитой прически жены первого космонавта остальные дамы в большинстве своем прекрасно обходились собственными силами, благо почти у всех были косы. Но причесаться «у самого Савельева» считалось высшим шиком.

Хотя, конечно, таких произведений искусства, как для Гагариной, Валентин Федорович больше не создавал. Да и коса у Валентины Ивановны была уникальной – второй такой среди «космических жен» не было и со временем так и не появилось.

Хотя совсем недавно в Интернете появилась заметка о жительнице Латвии, коса которой длиннее ее роста. Это Алия Насырова, которую нередко называют Рапунцель. У нее такие длинные волосы, что муж признается, что он думает о них, как о еще об одном члене семьи.

Алие 27 лет и, 20 из них росли ее волосы. Ее муж Иван Балабан говорит, что любит и гордится ее косой, не разрешая стричься. Коса весит 2 килограмма, а в распущенном состоянии укрывает ее носительницу, точно какой-то диковинный плащ.

Никаких особых средств «Рапунцель» не применяла, просто никогда в жизни не стриглась, даже кончики не подравнивала. Конечно, каждое мытье головы – это многочасовой труд, а простое причесывание утром – обыкновенный подвиг. Но как не пострадать ради такой красоты?

С другой стороны, волосы такой длины – это уже перебор. Попробуйте целый день носить на голове два килограмма. Такой подвиг можно объяснить только желанием попасть в Книгу рекордов Гинесса, но у Алии, кажется, нет таких планов.

В свое время одна девушка с косой чуть поменьше, чем

у «Рапунцель» нашла остроумный выход. Точнее, не она, а парикмахер, к которому она пришла с просьбой остричь опостылевшую косу. После долгих уговоров и колебаний (мастера) косу все-таки остригли, оставив волосы длиной до лопаток. А косу снабдили хитрыми зажимами, которыми в случае необходимости можно было прикрепить ее обратно.

История закончилась тем, что девушка снова отрастила косу, но регулярно подстригала ее так, чтобы она доставала только до поясницы. Оказалось, что с косой все-таки удобнее, чем с волосами, которые нужно ежедневно закручивать на бигуди, сушить, расчесывать, закреплять лаком.

К парикмахеру-то не набегаяешься.

Но это – исключительные случаи. Сейчас даже очень длинные волосы предпочитают носить распущенными, чтобы все могли полюбоваться на такую красоту. Даже в лютые морозы ходят с непокрытой головой.

А поскольку далеко не у всех они густые и пышные, то иногда получается не вполне эстетичное зрелище: мотаются по плечам и спине длинные жидкие пряди. Хорошо еще, если чистые и расчесанные, но на это у многих девушек не всегда хватает сил и терпения.

Так что мало вырастить длинные волосы, их еще нужно правильно «носить».

– Именно из негустых волос! Да-да из негустых, средней длины получают красивые прически из кос. Французские плетения, вечерние прически на основе плетения «Ры-

бий хвост», смотрятся стильно и очень женственно. Несомненный плюс – то, что прическа из кос, даже вечерний вариант, делается за 10—15 минут и, конечно, стоимость прически невысокая.

Косы, прически из них актуальны всегда. Ведь, укладка из плетений смотрится женственно. Это неповторимый образ, это изысканность, элегантность и стиль.

Пышная коса всегда привлекает мужчин, она говорит о здоровье женщины и делает её особенно привлекательной. Добиться эффекта пышной косы не сложно, даже если волосы не отличаются особой густотой. Для этого нужно заплетать косу не туго, а после немного распушить её в разные стороны.

– Часто можно услышать: «У меня такие тонкие волосы, их мало, что коса будет, как мышиный хвостик». Что Вы бы им посоветовали?

«ЦАРЬ-КОСА» Иллюстрация с сайта «Умкара»

– Длинные волосы всегда были главнейшим украшением у женщин. Густые и здоровые, они способны изменить облик женщины до неузнаваемости. А сколько причесок можно сделать из длинных волос – локоны, хвосты, сложно сплетенные косы, высокие вечерние укладки и просто гладкую, блестящую волну водопадом спадающую на спину.

Кстати, традиционная русская коса была частью своеобразного «Языка Тела». Количество кос и способ плетения указывали на социальный статус девушки, а затем – женщины. Одну косу, например, носили невесты на выданье, а замужние непременно завязывали две. Первые всегда выставляли свою красу напоказ, привлекая женихов, а уж как обвенчались, так косы можно видеть только мужу.

Коса в различных ее вариациях подойдет как для официальных мероприятий, так и для повседневной жизни. И если раньше косы плелись из трех прядей, то сейчас женщины изобрели способ плетения из четырех, пяти прядей, которые выполняются в совершенно различных комбинациях. Лишь бы волос было достаточно.

Впрочем, сейчас и это не проблема. Появление так называемого «наращивания волос» способно и из почти лысой бабушки сделать молодую женщину с пышной копной или роскошной гривой по спине. Да и раньше к собственным волосам приплетали чужие – так называемые, накладные косы. Если это было сделано умело, то отличить настоящие волосы от «протезных» было практически невозможно.

Впрочем, история сохранила примеры того, что волосы невозможно было заплести хотя бы в две косы. Плели в четыре или в шесть и только после этого делали из них причёску. Как, например, княжне Екатерине Долгорукой перед обручением с императором Петром Вторым.

Коса – это мода вечная. Просто раньше в простых сословиях она была еще и символом социального положения. Две косы по плечам – незамужняя девка, одна коса вокруг головы – замужняя женщина. Только в этом случае красоту волос видели только домашние – ни одна женщина не выходила из дома с непокрытой головой, это считалось стыдным. Недаром ведь появилось выражение «опростоволоситься».

Юрий Гагарин с женой Валентиной и старшей дочерью.
Фотография из архива Савельева

Валентина Терешкова полетела в космос с прической от моего ученика, Леонида Гомдера, я причесывал ее дублершу. А потом уже все космонавты перед полетами приходили в парикмахерскую «Юности» – примета такая возникла, вроде как присесть на дорожку. Хотя, конечно, случай с Валентиной Гагариной оставался уникальным, да и завив-

ку-укладку мужчины, естественно, не делали. Так, подровнять и без того короткую стрижку, перебраться с мастером парочкой анекдотов, зарядиться от него неувядаемым оптимизмом.

Валентина Терешкова. Фотография из архива Савельева

Насчет того, что Гагарин мог обратиться «в самый шикарный салон» это, конечно, преувеличение. В те времена было два «элитных заведения»: салон на Кузнецком мосту и парикмахерская номер один, о которых писалось выше.

Непритязательным супругам Гагариным показалось проще и логичнее обратиться в парикмахерскую той гостиницы, где их поселили. И в результате они остались в выигрыше, а Валентин Федорович уверенно ступил на путь, приведший его к негласному титулу «один из лучших парикмахеров Москвы».

Почему негласному? Потому что Валентин всю жизнь не терпел показухи, никогда не рассказывал клиентам, к какому замечательному мастеру они попали, не строил из себя недоступного «мэтра», который работает только с избранными. Проще говоря, не делал себе рекламы. А уж конкурсы всевозможные откровенно недолюбливал.

– Это же просто шоу, вроде циркового представления. Прически, конечно, делают на конкурсах эффектные, но с такими на работу не пойдешь и даже каждую неделю делать не будешь. Даже мои знаменитые клиенты-актрисы таких «сооружений» на голове избегали. И посмотрел бы я, как Валентине Гагариной делают прическу на каком-нибудь конкурсе. Многие мастера вообще избегают работать с длинными волосами – либо разучились, либо никогда не умели.

В 1880 году впервые появились щипцы для завивки волос. Их изобретателем стал французский парикмахер Марсель Грато. Благодаря его щипцам можно было создавать искусственную волнистость волос, внешне похожую на естественную. Перед работой щипцы нагревались на плите, что-

бы укладка выглядела красиво и держалась долго, мастер должен был работать с двумя щипцами одновременно – одни нагревались на плите, а с другими он работал.

В 1882 году Марсель Грато открыл собственную парикмахерскую в центре Парижа, а в 1897 году его приспособление было описано в журнале, и в продаже появились первые щипцы для завивки волос под названием «марсель». Всего через год Марсель Грато стал миллионером – его изобретение успешно продавалось по миру.

Уже к 1885 г. в крупнейших городах Европы парикмахеры стали применять для завивки щипцы Марселя. Вместе с совершенствованием профессионального мастерства парикмахеров по овладению новым видом инструмента для обработки волос по способу Марселя стали открываться большие возможности для выполнения еще более красивых и долговечных причесок.

Фотография космонавта Быковского с дарственной надписью Савельеву. Из личного архива.

Космонавтов было мало, а людей, желающих иметь красивую прическу, становилось все больше. Старые парикмахер-

ские с тремя-четырьмя креслами и без какого-либо современного оборудования уже не отвечали возросшим требованиям населения, особенно его женской половины. И тогда было принято решение в каждом районе Москвы построить новую, образцовую парикмахерскую, проект которой разрабатывали специально назначенные архитекторы.

В результате действительно в каждом районе Москвы появились двухэтажные стеклянные кубы, на первом этаже которых, помимо парикмахерских кресел, были еще маникюрный и косметический кабинеты, а весь второй этаж отдавался парикмахерам. В них были специальные раковины для мытья головы клиентов и целые ряды сушильных аппаратов. И, самое главное, не было колоссальных очередей, потому что основная часть клиентов шла по записи в определенное время.

«Кубики» были популярны... за неимением лучшего. Зимой в них было холодно, летом – жарко. Да и не всем нравилось, что за процессом стрижки и укладки мог наблюдать любой прохожий с улицы. Но все равно это был гигантский шаг вперед по сравнению с прежними «цирюльнями».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.